

Н. С. ПОСПЕЛОВ

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ *

1. Общее положение о структурной целостности сложного предложения, из которого я исхожу¹, не новое в нашей грамматической традиции. Оно очень хорошо было сформулировано В. А. Богородицким в одном из примечаний к XIV главе его «Общего курса русской грамматики». «Прежде всего, — писал Богородицкий, — во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него; таким образом, ни та, ни другая часть сложного предложения, строго говоря, не являются самостоятельными, но лишь совместно образуют одно целое»². Утверждая, таким образом, в соответствии с принципами казанской лингвистической школы «цельнооформленность»³ сложного предложения, В. А. Богородицкий предлагал при изучении сложных предложений «стремиться к тому, чтобы бестенденциозно определить типы связей или отношений между обеими частями сложных предложений и способов формального обозначения этих связей в речи (включая сюда и отсутствие соединяющих слов, равно как порядок слов и интонацию)»⁴. Насколько и в настоящее время вполне актуален путь изучения сложного предложения, намеченный В. А. Богородицким, свидетельствует академическая грамматика, в которой мы находим такое признание: «Изучение же самой грамматической структуры сложного предложения, изучение построения его основных частей или членов, их количества, характера или качества связей между ними, соотношения их конструктивных элементов, вариаций в порядке их расположения и т. п., изучение грамматической сущности разных видов сложных предложений у нас еще только начинается»⁵. Поэтому и в наше время «основной задачей изучения сложных предложений является точная

* Настоящая статья представляет собой изложение доклада на конференции по вопросам синтаксиса словацкого языка, состоявшейся в Братиславе в июне 1958 г.

¹ См. статьи «О грамматической природе сложного предложения» (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950) и «О различиях в структуре сложноподчиненного предложения (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными временными и определительными)» (сб. «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956).

² В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 5-е изд., М.—Л., 1935, стр. 229, примеч. 1.

³ Пользуюсь термином покойного проф. А. И. Смирницкого, применявшего его в отношении к слову. См. А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 34.

⁴ В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 229, примеч. 1.

⁵ «Грамматика русского языка», Изд-во АН СССР, т. II, ч. 1, М., 1954, стр. 100.

грамматическая характеристика их структуры и определение их типов и групп, отличающихся друг от друга как по выражаемым ими отношениям, так и по особенностям их структуры»¹.

2. Цель настоящей статьи — дать общую характеристику наиболее очевидных структурных типов и разновидностей сложноподчиненного предложения на основе тех конструктивных различий, которые выявляются в соотношении между главной и придаточной частью. Самое существенное из этих различий состоит в том, что придаточная часть может или соотноситься с главной частью во всем ее объеме, или входить в состав главной части, прикрепляясь к какому-либо ее члену и распространяя его. В первом случае сложноподчиненное предложение получает расчлененное, отчетливо двучленное строение, во втором — нерасчлененную, стянутую, и в этом смысле одночленную, структуру. Сложные предложения одночленной структуры, в которых главная часть как бы вбирает в свой состав придаточную часть, можно было бы, следуя терминологии, предложенной исследователями китайской грамматики для соответствующих по структуре предложений китайского языка, назвать объемлющими или включающими сложными предложениями². Структурное разграничение расчлененных и нерасчлененных конструкций сложноподчиненного предложения имеет глубокие корни в русской научной синтаксической традиции. Его элементы вскрываются у М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, И. И. Давыдова³, в учении А. А. Барсова об «описанных терминах» подлежащего и сказуемого⁴, в замечаниях А. А. Потебни о месте придаточных предложений с относительным словом по отношению к главным предложениям⁵ и в высказываниях отдельных синтаксистов 60—70-х годов XIX в., например П. Беляевского⁶. Четкая формулировка глубокого различия между двумя основными структурными типами сложноподчиненного предложения дана Ф. Ф. Фортунатовым и, позже, в несколько упрощенном виде принята А. А. Шахматовым. Вот формулировка Ф. Ф. Фортунатова: «Придаточным предложением называется такое предложение, в котором обозначено то, что данное предложение образуется не само для себя, но для другого предложения, с которым оно сочетается; при этом придаточное предложение может быть по значению двоякого рода: или оно разъясняет собою то, что обозначается другим (главным предложением), и не образует поэтому части другого предложения, или оно разъясняет собою то, что обозначается частью другого, главного, предложения, и в этом случае образует, следовательно, само часть другого, главного, предложения. Например, в русском языке предложение с союзом *если* принадлежит к придаточным предложениям первого рода, а предложение с союзом *что* или с относительным словом принадлежит к придаточным предло-

¹ «Грамматика русского языка», стр. 105.

² Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954, стр. 161—169; М. К. Румянцев, Предложение-подлежащее в современном китайском языке, М., 1957, стр. 4—7.

³ См. Н. С. Поспелов, О различиях в структуре сложноподчиненного предложения, стр. 49—50.

⁴ См. В. В. Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса, М., 1958, стр. 56—57, 65—68.

⁵ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III, Харьков, 1899, стр. 337—350.

⁶ П. Беляевский, называя все придаточные предложения пояснительными, делил их на два разряда: одни из них, по его мнению, «служат пояснением к одной только какой-нибудь части главного предложения, т. е. пояснением одного понятия.., другие уже поясняя целую мысль, целое предложение, обозначая или причину, или следствие, или условие, или противоположность и проч.» (П. Беляевский, О некоторых спорных вопросах русской грамматики. О пояснительных предложениях, ЖМНП, 1869, февраль, стр. 6 3-й пагин.).

жениям второго рода»¹. До Фортунатова Ф. И. Буслаев пользовался подобной же формулировкой для разграничения сложноподчиненных и сложносочиненных предложений². Однако предвзятое мнение о полном соответствии придаточных предложений членам предложения помешало Буслаеву видеть, что так называемые обстоятельственные придаточные предложения далеко не всегда могут быть приравнены к второстепенным членам предложения. С другой стороны, заслуживает самого пристального внимания и нуждается в дальнейшем развитии то структурное расчленение сложных предложений, которое в чешской традиции намечено было В. Эртлем [сложные предложения с придаточными, изъясняющими содержание (*obsahové*) и определяющими (*určovací*), и с придаточными, выражающими отношение (*vztahné*)] и развернуто Ф. Травничком, разграничивающим придаточные предложения *obsahové* и *doplňovací* (дополняющие). Если это разграничение применить к структуре сложноподчиненного предложения в целом, то мы приходим к противопоставлению предложений, в которых содержание главной части раскрывается, эксплицируется в придаточной их части, — предложениям, в которых придаточная часть выходит из границ главной части, оказывается трансцендентной по отношению к содержанию «главного предложения», так или иначе восполняя его содержание и устанавливая различные соотношения между главной и придаточной частью — временные, условно-уступительные, причинно-следственные, целевые и т. п.³.

3. В русской грамматической традиции первым опытом классификации сложноподчиненных предложений на основе установления структурно-смысловых соотношений между их главной и придаточной частью была классификация, намеченная В. А. Богородицким.

В качестве особого структурно-смыслового типа сложноподчиненных предложений В. А. Богородицкий прежде всего выделяет тип определительно-описательный, «когда тот или другой предметный член предложения не может быть выражен одним словом, а требует описания»⁴. Специфической структурной особенностью этого типа является то, что в этом случае придаточное предложение начинается относительным местоимением или наречием и прикрепляется к имени существительному в главной части⁵. Эта специфическая особенность данного типа дает нам основание именовать его присущественно-атрибутивным. При этом необходимо учесть, как отмечено А. И. Смирницким, что атрибутивная связь «меняет не строение предложения, а строение отдельных его элементов»⁶,

¹ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, Избр. труды, т. I, М., 1956, стр. 188—189.

² «Или одно предложение составляет часть другого». В таком случае «предложение, составляющее часть другого предложения, именуется придаточным, а то, в которое придаточное входит как часть, именуется главным». «Или соединенные предложения не входят одно в другое в виде отдельной части, а остаются самостоятельными». «В первом случае соединение предложений именуется подчинением, потому что одно предложение подчиняется другому, составляя его часть; а во втором — сочинением» (Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, ч. 2, 2-е изд., М., 1863, стр. 34).

³ Cp. J. Bauer, Klasifikace souvětí v českých a ruských mluvnicích, «Sovětská jazykověda», ročn. V, seš. 1, 1955, стр. 13—14.

⁴ В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 230.

⁵ Однако В. А. Богородицкий чрезмерно расширял объем этого типа сложноподчиненных предложений, включая в его состав и те случаи, когда опорным словом для придаточного в главной части является не существительное, а субстантивированное местоимение, которое нуждается не в определении или описании, а в раскрытии его конкретного содержания (например, *Что пройдет, то будет мило*).

⁶ А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 183. По мнению А. В. Исаченко, определение даже не следует рассматривать как «самостоятельный член предложения», так как «определение является всегда членом особой опре-

и «подчеркнуть, что для определения характерно именно то, что оно относится к словам как к частям речи, а не как к членам предложения»¹ и поэтому «может относиться к любому члену предложения»². Но примечательно то, что в составе сложного предложения определительная придаточная часть, прикрепляясь к какому-либо субстантивному члену главной части, может, однако, вступая в противоречие с самим принципом определительности, относиться к главной части в целом, выполняя повествовательно-распространительную функцию и выражая определенное коммуникативное содержание. Таким образом, в составе сложноподчиненных предложений с присубстантивно-атрибутивной придаточной частью функционально разграничиваются две главные структурно-смысловые разновидности. В сложных предложениях компактного, нерасчлененного строения придаточная часть выполняет собственно атрибутивную функцию по отношению к определяемому ею существительному главной части (почти всегда это нарицательное существительное с обобщенным предметным значением), которое только в тесном сочетании с определяющей его придаточной частью входит в состав предложения в качестве его члена. В сложных предложениях расчлененного строения придаточная часть имеет отдельное от главной части коммуникативное содержание, выделяющее его в отдельную синтагму внутри сложного предложения, и получает функцию распространения главной части в целом, хотя и остается формально прикрепленной к какому-либо существительному главной части. Ср. следующие два примера из повести А. С. Пушкина «Арап Петра Великого»: 1) «Нравится ли тебе девушка, с которой ты танцевал минавет на прошедшей ассамблее?», 2) «Татьяна Афанасьевна с беспокойством взглянула на брата, который побледнел, закусил губы и молча вышел из светлицы». В первом примере придаточная часть имеет узко атрибутивное назначение: она определяет существительное *девушка* и необходимо входит в состав главной части, в которой речь идет не о девушке вообще, а о девушке, с которой танцевал Ибрагим; во втором примере в придаточной части не определяется слово *брат*, а сообщается, что сделал человек, названный этим существительным. Эти примеры отличаются друг от друга и по интонационному соотношению частей главного предложения: в первом примере главная часть, тесно смыкающаяся с придаточной частью, произносится более напряженным повышением тона, чем главная часть во втором примере³.

Несмотря на глубокое функциональное различие между сложными предложениями с атрибутивной и распространительно-повествовательной придаточной частью⁴, обе эти разновидности образуют один структурно-смысловой тип сложных предложений присубстантивно-определятельный⁵, характеризующийся «полным равенством по объему относительного местоимения с именем, к которому оно относится»⁶ и постпозицией придаточной части. Поэтому нельзя согласиться с попыткой К. Габки⁷ разо-

делительной синтагмы», которая «входит как одно целое в состав того или иного члена предложения» (А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 1, Братислава, 1954, стр. 324).

¹ А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 232.

² Там же, стр. 233.

³ О разновидностях сложноподчиненных предложений данного типа см. указ. статью «О различиях в структуре сложноподчиненного предложения», стр. 63—75.

⁴ См. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 109—110.

⁵ Ср. И. Г. Череди́нченко, К изучению присубстантивных предложений в современном русском языке, «Р. яз. в шк.», 1957, № 6, стр. 34—35.

⁶ А. А. Потебня, указ. соч., стр. 347.

⁷ К. G a b k a, Über die sogenannten «weiterführenden Nebensätze» im Russischen, ZfS, Bd. I, Hf. 4, 1956, стр. 75.

рвать внутреннюю связь между этими двумя разновидностями и только на основании общего смыслового признака объединить придаточные предложения с распространительно-повествовательной функцией в одну группу — *Weiterführende Nebensätze* — со случаями относительного подчинения типа «Обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи» (Пушкин, Гробовщик).

4. В отдельный структурно-смысловой тип необходимо, по нашему мнению, выделить те относительные конструкции сложного предложения, в которых соотносительным словом в главной части выступает местоимение¹. Так как придаточная часть в таких случаях прикрепляется к главной тоже местоимением, эти конструкции можно назвать местоименно-соотносительными или кояструкциями местоименной относительности. В этих конструкциях синтаксическая функция придаточной части не будет ни определительной, ни распространительной: придаточное может выступать и в функции подлежащего, и в функции сказуемого, и в функции дополнения или обстоятельства по отношению к главной части. Например: «Что пройдет, то будет мило»; «Каков поп, таков и приход»; «Я тот, кого никто не любит...» (Лермонтов, Демон); «Бабушка не поняла того, что он сказал» (Фадеев, Молодая гвардия); «Он живет там, куда летают только на самолетах» («Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 316).

Традиционная классификация разносит местоименно-соотносительные конструкции по разным типам сложного предложения в зависимости от синтаксической функции придаточного, не считаясь с объединяющим эти случаи характером конструктивной связи их частей. Придаточная часть в подобных конструкциях еще глубже, чем в присубстантивно-атрибутивном типе, входит в структуру главной части; главная часть, семантически не завершенная, еще теснее связана с придаточной. В одних из данных конструкций имеет место препозиция придаточной части, в других — постпозиция при слабой в том и другом случае мобильности частей сложного предложения. Совершенно очевидно, что при установлении этого типа нет необходимости выделять в качестве особых типов сложные предложения с придаточными подлежащими, сказуемыми, придаточными места, как это мы обнаруживаем в традиционных классификациях сложных предложений (Семантическая общность относительного и соотносительного слова в данных конструкциях, в отличие от присубстантивно-определяющего типа, имеет более абстрактный характер, выражая единство субъекта, объекта, предиката, места, времени (при соотношении *тогда*, *когда*). Следует согласиться с мнением В. Шмилауера, что сочетания относительного и соотносительного слова (*тот...*, *кто*; *то...*, *что*; *там...*, *где*) в подобных случаях представляют собою соотносительные выражения (*výrazy souvztažné*), т. е. выступают в качестве единого члена сложного предложения как цельного синтаксического единства².

5. В особый тип, конструктивно противоположный присубстантивно-определяющему и местоименно-соотносительному, выделяются сложные предложения с изъяснительной придаточной частью. В предложениях этого типа придаточная часть восполняет структурно-семантическую недостаточность сказуемого главного предложения, представляющего собой лишь «своеобразно препарированную часть самостоятельного простого предложения»³. В изъяснительных конструкциях сложного предложения сказуемое главной части характеризуется неопределенностью

¹ У В. А. Богородицкого они вменены в определительно-описательный тип сложноподчиненных предложений (см. указ. соч., стр. 230—231).

² V. Šmílauer, *Novočeská skladba*, Praha, 1947, стр. 27.

³ В. В. Виноградов, Основные вопросы синтаксиса предложения, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 430.

своего лексического значения и легко может быть замещено другим, синонимичным ему. Ср. *я знаю, помню, мне известно и т. п., что он уехал*. Таким образом, по существу сказуемое изъяснительной конструкции получает черты местоимения; между ним и придаточной частью возникает своего рода «семантическая диффузия», в силу которой в придаточной части раскрывается конкретное содержание сказуемого главной части. При этом для структуры изъяснительных конструкций несущественно, в функции какого члена предложения — дополнения или подлежащего — выступает придаточная часть; по существу она выполняет функцию структурно-семантического распространения сказуемого главной части. Само собой разумеется, что изъяснительные конструкции сложного предложения, так же как и присубстантивно-определительные и местоименно-соотносительные, представляют собою объемлющие конструкции, в которых главная часть распространяется в придаточной части, но различными путями: в присубстантивно-определительном распространяется любой член предложения, выраженный существительными (в том числе и именное сказуемое), в изъяснительном типе распространяется сказуемое, т. е. распространение захватывает только предикативное ядро предложения; в местоименно-соотносительном типе придаточная часть раскрывает конкретное содержание соотносительного местоименного слова главной части. Рассматривая сложные предложения трех названных типов как объемлющие, мы тем самым отделяем их от всех других типов сложноподчиненного предложения как факты более тесной структурной связи частей, как явления, переходные от простого предложения к сложному, как своего рода quasi-сложные предложения.

6. Иной тип структурного соотношения между главной и придаточной частью представляют собою сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения. «Каждое из таких сложных предложений... может быть видоизменено таким образом, что главное предложение послужит для выражения причины или следствия, а придаточное по смыслу как бы займет его первоначальное место; например: „его похвалили, *потому что* он очень хорошо спел“ // „он очень хорошо спел, *так что* его похвалили“»¹. Иначе говоря, сложные предложения с придаточными причинами и с придаточными следствия являются коррелятами одного структурно-смыслового типа сложного предложения. При этом в каждой из этих структурных разновидностей вследствие возможности расчленения типовых союзов (*потому, что; так, что*) возникают структурные варианты с более тесным соотношением между главной и придаточной частью. Примечательно, однако, что при таком расчленении причинного союза значение причины, выражаемое сложным предложением, акцентируется, тогда как при расчленении союза следствия значение следствия наслаивается на общее значение образа действия, т. е. выступает в ослабленном качестве. При расчленении союзов связь между частями становится очень тесной, и сложное предложение получает более компактное строение. При отсутствии такого расчленения сложное предложение распадается на две отчетливо отграничиваемые друг от друга части, причем придаточное уже не продолжает линию главного предложения (вмещаясь в его объем), а присоединяется к главному как синтаксическое построение с отдельным коммуникативным содержанием. Ср., например: *Прогулка не состоится, потому что испортилась погода* или *Прогулка не состоится потому, что испортилась погода и Испортилась погода, так что прогулка не состоится* или *Испортилась погода так, что прогулка не состоится*. На большую самостоятельность придаточной части с нерас-

¹ В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 237.

члененными союзами *потому что* и *так что* указывает и почти полное отсутствие интерпозиции придаточных предложений с этими союзами.

В конструкциях сложного предложения, выражающих причинное соотношение, вскрывается существенное различие по структуре и значению между случаями постпозиции и препозиции придаточной части. Ср. примеры: *Я оделся потеплее, потому что было холодно* и *Так как было холодно, я оделся потеплее*. В открытой конструкции (с постпозицией придаточной части) главная часть автономна, и придаточная свободно примыкает к ней. При этом не возникает никакой структурной соотносительности между утверждением факта и указанием на его причину. Во втором случае (в закрытой конструкции, т. е. с препозицией придаточной части) налицо соотносительность между выражением значения причины в придаточной части и выражением значения следствия в главной части. Таким образом, только в конструкциях закрытого типа выражается причинно-следственное отношение, и связь частей сложного предложения оказывается обоюдной. В открытых конструкциях главная часть не выражает следствия, а придаточная указывает причину того, что утверждается в главной части. В случаях же расчленения причинного союза возникает более «напряженная» конструкция: *Я оделся потеплее потому, что было холодно*, в которой отсутствует значение следствия, а значения причины и изъяснительное распределяются таким образом, что главная часть указывает только на наличие причины, тогда как в придаточной раскрывается конкретное содержание причинного соотношения.

В связи с анализом причинных конструкций получают большой интерес наблюдения Л. Дюровича над переходом в причинные конструкции сложных предложений изъяснительных, когда вследствие появления субъекта в главном предложении придаточное теряет функцию субъекта по отношению к сложному предложению в целом (ср. *Приятно, что ты вернулся* и *Мне приятно, [потому] что ты вернулся*¹). Аналогичные наблюдения были сделаны в недавнее время и советскими исследователями — Н. И. Гурским², А. К. Федоровым³, М. У. Каранской⁴. В латинском языке полупричинный оттенок соответствующей изъяснительной конструкции с *quod* при *verba affectuum* типа *laetor, quod venies* отмечен С. И. Соболевским⁵.

7. В сложных предложениях с временной придаточной частью тоже обнаруживаются глубокие структурные различия. В случаях расчлененного строения сложноподчиненного предложения придаточная часть при синтаксическом ее подчинении главной части имеет собственное временное значение и сохраняет, таким образом, относительную коммуникативную самостоятельность; в случаях же нерасчлененного строения придаточная часть, не имея собственного временного значения, только так или иначе ограничивает объем времени действия, выраженного сказуемым главной части, или приурочивает время действия придаточной части к тому отрез-

¹ L. D u r o v i č, *Modálnosť. Lexikálno-syntaktické vyjadrovanie modálnych a hodnotiacich vzt'ahov v slovenčine a ruštine*, Bratislava, 1956, стр. 163—164, ср. также стр. 196—197.

² Н. И. Г у р с к и й, Сложные синтаксические конструкции с подчинительными союзами *что* и *как* в современном белорусском литературном языке. Автореф. канд. диссерт., Минск, 1950, стр. 7.

³ А. К. Ф е д о р о в, Употребление подчинительного союза *что* в современном русском языке, «Уч. зап. [Калининск. гос. пед. ин-та]», т. XIX, вып. 2, 1957, стр. 118—119.

⁴ М. У. К а р а н с к а я, Союзы *що, щоб* и грамматические конструкции с ними в современном украинском литературном языке. Автореф. канд. диссерт., Киев, 1956, стр. 9—10.

⁵ С. И. С о б о л е в с к и й, Грамматика латинского языка, 3-е изд., М., 1948, стр. 249, §§ 867, 868.

ку времени, который устанавливается сказуемым главной части¹. Ср., например: «Солнце давно уже встало, когда Рудин пришел к Авдюхиному пруду» (Тургенев, Рудин); «Пока он писал, она не решалась подойти к нему...» (Н. Островский, Как закалялась сталь). В первом примере каждая часть сложного предложения имеет самостоятельное коммуникативное назначение, и временное соотношение устанавливается между содержанием той и другой части; во втором примере придаточная часть, указывая на длительность времени действия, выражаемого сказуемым главной части, не имеет коммуникативной самостоятельности, и временное соотношение устанавливается непосредственно между сказуемыми придаточной и главной части. При этом в сложных предложениях с временной придаточной частью обнаруживаются существенные структурно-смысловые различия в зависимости от пре- или постпозиции придаточной части. В закрытых конструкциях (с препозицией придаточной части) придаточная часть акцентируется, возникает соотношение временной обусловленности, и смысловой объем высказываемого в главной части ограничивается установкой высказывания, данной в придаточной части. В открытых конструкциях главная часть высвобождается от соотносительности с придаточной частью и становится автономной, а придаточная часть включается в структуру предложения в его целом *post hoc*, когда главная часть оказывается уже сформированной. Ср.: *Когда он вернется, я зайду к вам; Я зайду к вам, когда он вернется.*

8. Большим своеобразием отличается в современном русском языке структура сложных предложений с условной и уступительной придаточной частью. «Хотя в этих предложениях школьная грамматика и находит часть придаточную с союзами *если* и *хотя*, выражающими условие или уступление, однако ж в действительности здесь нет того подчинения, которым характеризуются другие придаточные предложения»². Предложения этого типа характеризуются отчетливо выраженной двусторонне направленной связью своих частей. Но при единстве их общего типа вскрываются существенные структурные различия между условными и уступительными предложениями, особенно в случаях препозиции придаточной части. В условных конструкциях придаточная часть выражает условие, при котором только и возможна реализация того, о чем говорится в главной части сложного предложения, т. е., не имея отдельного коммуникативного содержания, она дает модальное обоснование высказываемому в главной части. Поэтому, несмотря на резкую расчлененность условного предложения, его части оказываются тесным образом друг с другом связанными. Особенно тесной оказывается эта связь в случаях препозиции придаточной части, когда обусловленность главной части тем, что высказано в придаточной части, выражена в самой структуре сложного предложения взаимоположением его частей. Сравним параллельные примеры: *Если ты зайдешь ко мне, мы легко обо всем договоримся* и *Мы легко обо всем договоримся, если ты зайдешь ко мне.* В первом случае обусловленность главной части тем, что уже дано в придаточной, лишает главную часть ее синтаксической автономности и вводит ее в уже формирующееся с определенной модальной установкой сложное предложение. Во втором случае главная часть при формировании сложного предложения остается автономной и ее содержание только ограничивается указываемым в придаточной части условием. В этом случае модальное

¹ Подробнее см. в статье «О различиях в структуре сложноподчиненного предложения», стр. 55—63, 76. Ср. по существу аналогичные наблюдения (но без выводов о различиях в структуре), сделанные Я. Бауэром в статье «Časové souvětí v ruštině a češtině» («Sovětská jazykověda», ročn. V, seš. 5—6, 1955).

² В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 229.

давление придаточной части на главную ослабляется, а при преобразовании придаточной части в присоединительную конструкцию может почти совершенно нейтрализоваться.

В уступительных конструкциях с союзом *хотя* придаточная часть в случаях ее препозиции имеет значение «обратного условия», противопоставляемого содержанию главной части, вводимой противительным союзом, в силу чего такая уступительная конструкция не только получает отчетливое двучленное строение, но и выражает тенденцию к переходу в сочинительное построение. В структуре таких предложений выявляется асимметрия двух противоречивых синтаксических тенденций. Если же в уступительном предложении придаточная часть следует за главной, она приближается по своему значению к добавочному, ограничительному замечанию, причем, однако, двучленность строения сложного предложения сохраняется. Ср.: *Хотя было уже поздно, я еще не спал; Я еще не спал, хотя было уже поздно.*

Примечательно, однако, что обобщенно-уступительные конструкции (с сочетаниями *как ни, кто ни* и т. п.), структурно близкие к местоименно-соотносительным конструкциям, оказываются не только строго подчинительными, но и отчетливо одночленными.

9. Резюмирую кратко основную мысль своей статьи. В структуре сложноподчиненного предложения выделяются присубстантивно-определятельный, местоименно-соотносительный и присказуемо-изъяснительный типы как «объемлющие», одночленные конструкции, представляющие в типических случаях своего построения явления, переходные от простого предложения к сложному. В противоположность «объемлющим» конструкции, выражающие причинно-следственные, временные, условные и уступительные отношения, не только «образуют родственную, семантически связанную систему»¹, но и характеризуются в типических случаях выражения названных отношений, т. е. в закрытых конструкциях, более отчетливой «двучленностью» своего строения, в чем и вскрывается существенное грамматическое различие между случаями с пре- и постпозицией придаточной части.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 720.